(cc) BY

Ткаченко Владимир Глебович
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ЦЕРКОВНЫЕ АРХИВЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ В XVI–XVII вв.: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ ХРАНЕНИЯ

Аннотация: *проблематика статьи относится к категории малоизученной. Исследование истории церковных архивов на территории современной Чувашии, как отдельное направление, в научной литературе не производилось. Предлагаемая статья – первая попытка восполнить этот пробел. Проведенное на основе сохранившихся письменных источников исследование подтверждает наличие и активное использование архивов в административных центрах на территории Чувашии в обозначенный период, в том числе в церковной среде, а также позволяет судить об организации их хранения, составе и содержании.*

Ключевые слова*: архивная деятельность, архивные документы, архивы церковные, делопроизводство, Алатырский Троицкий мужской монастырь, Чебоксарский Троицкий мужской монастырь, Чебоксарский Введенский собор.*

До недавнего времени вопросы, связанные с архивами Русской православной церкви, оставались «белым пятном» в отечественном архивоведении. Как отмечал Е.В. Старостин, даже такие авторы трудов по русской историографии, как Н.Л. Рубинштейн, В.Е. Иллерицкий, Л.В. Черепнин, А.Н. Сахаров и другие, предпочитали вообще не упоминать о произведениях даже выдающихся представителей историко-церковной науки. Мало что изменилось и в современной российской историографии: нет не только ни одной монографии, ни одного учебного пособия, но даже и обстоятельной статьи, в которых была бы предпринята попытка изложения общей истории развития церковных архивов и вклада историков в ее разработку – указывал автор [12, с. 31–38].

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Предлагаемая статья представляет собой первую попытку обратиться к проблемам изучения архивов и архивной деятельности РПЦ на локальном уровне – территории современной Чувашской Республики, которая в середине XVI в. перешла под власть Русского государства.

Вновь вошедшим в состав Московии землям предстояло участвовать в реализации задуманных царем Иоанном Васильевичем и его ближайшими сподвижниками важнейших миссий. *Первая* – военная – была обусловлена необходимостью закрепления здесь власти русского царя и защиты от потенциальных угроз, исходивших от Астраханского и Крымского ханств, Ногайской орды.

Вторая из них была связана с серьезной на тот момент проблемой организации управления краем, отличавшимся своей спецификой.

Третья миссия носила духовно-религиозный характер. Строившимся здесь Чебоксарам, Цивильску, Ядрину в числе других городов края предстояло также принять участие в духовном присоединении края. Уже на третьем году после покорения Казанского ханства Русская Православная церковь учреждает здесь новую святительскую кафедру. В этой связи необходимо отметить особую роль церкви в системе административного управления. Так, еще А.Д. Градовский указывал на то, что «<…> центры церковного управления имеют <…> такое же, если не большее значение, чем административные центры» [4, с. 373]. Это, в частности, подтверждает наказная память, данная царем Иоанном Васильевичем назначенному на Казанскую кафедру архиепископу Гурию: «А воеводом, и детем боярским, и новокрещеном, и гостем, и торговым людем, жити брежно, и творити по Государеву наказу во всем и воевод слушати; а воеводам их беречи, во всяких делех, безо всякая хитрости. *А Архиепископа всем слушати, и повиновалися б во всем духовном наказании; да воеводы ж с Архиепископом, а Архиепископ с ними о всяких Государьских делех советовали любовно, безо всякия хитрости*» (здесь и далее курсив мой – *В.Т.*) [1, с. 259].

Казанская и Свияжская епархия в иерархическом отношении сразу же по основании заняла высокое третье место после Московской митрополии и древнейшей Новгородской архиепископской кафедры, отодвинув ранее

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

состоявшиеся восточно-русские епархии. Это наглядно демонстрирует ее особую значимость и возлагавшиеся на нее надежды по христианизации края.

Реализация данной миссии оказала влияние на характер архивных комплексов, сформировавшихся в среде церковных учреждений.

Функционирование всей церковной системы определяется нормами церковного права, первоисточником которого считается Божественная воля Основателя Церкви, а его вторым – материальным – источником выступала сама Церковь и «<…> те правила и нормы, изданные церковной властью, которые не только не противоречат Божественной воле, но и вытекают из нее» [13, с. 26, 28].

Ряд его норм был тесно связан с регулированием отношений, непосредственно относящихся к интересующей нас теме делопроизводственной и архивной деятельности. Так, статья 26 Правил IV Вселенского (Халкидонского) Собора (451 г.) предписывала «всякой церкви, имеющей епископа, иметь из собственнаго клира эконома, который бы распоряжался церковным имуществом, по воле своего епископа: дабы домостроительство церковное не без свидетелей было, дабы от сего не расточалось ея имущество, и дабы не падало нарекания на священство. Если же кто сего не учинит: таковый повинен Божественным правилам» (Четв. 26). В обязанности эконома входило заведывание церковным хозяйством и имуществом, что предполагало ведение и хранение необходимой для этих целей хозяйственно-финансовой документации.

Согласно статье 1 Правил Двукратного (Перво-Второго) поместного собора Константинопольской Церкви (861 г.) «<…> все же к нему (монастырю – *В.Т.*) принадлежащее, купно с ним самим *да вносится в книгу, которая и да хранится в епископском архиве*» (Двукр. 1).

С точки зрения церковно-государственных отношений представляет интерес статья 38 Правил VI Вселенского Константинопольского Собора (680–681 гг.), установившая: «Отцами нашими положенное сохраняем и мы правило, гласящее тако: аще царскою властью вновь устроен, или впредь устроен будет град: то *гражданским и земским распределением да следует и распределение церковных дел*» (Шест. 38).

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

В рассматриваемый период помимо норм церковного права существенное влияние на характер деятельности церковных учреждений и ее документирование оказывало светское законодательство. Прежде всего это судебник 1550 года и Соборное Уложение 1649 года, регулировавшие в том числе взаимоотношения государства и церкви, а также указные с прочетом, жалованные, правые, послушные грамоты и другие правовые акты, исходившие от верховной власти.

Формирование церковных и монастырских архивов в Чувашском крае происходило в специфических условиях. Освоение территорий покоренного Казанского ханства совпало с попытками царя «ограничить аппетиты монастырских землевладельцев». Как известно, именно в 1550-е годы Иоанн Васильевич проводит судебную, финансовую и военную реформы, суть которых сводилась к укреплению государственной власти в условиях активно проводившейся централизации Русского государства. «Царь хотел получить санкцию церкви на государственные преобразования и в то же время принять меры к подчинению церкви и ограничению ее привилегий и земель, необходимых для обеспечения энергично создававшегося дворянского войска» [10, с. 116]. Вопрос о церковной земельной собственности стал узлом противоречий в самой церкви и вылился в яростные споры между «иосифлянами» (ее сторонниками) и «нестяжателями» (ее противниками).

Настояв на включении в Судебник 1550 года требования «старые тарханные грамоты поимати у всех» и приказав в том же году изъять жалованные грамоты у монастырей, царь Иоанн Васильевич взял «на себя обязанность лично выдавать жалованные грамоты на угодья и имущество, передаваемое в монастырское хозяйство» [11, с. 216, 218]. Первый общий пересмотр жалованных грамот всех монастырей состоялся уже в 1551 году.

Однако на территории бывшего Казанского ханства с приходом русской администрации произошел стремительный рост церковного землевладения, который был обусловлен вполне объективными причинами. Во-первых, с началом колонизации местного края правительство было крайне заинтересовано и всячески способствовало распространению здесь православия. По свидетельству

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Никоновской летописи епархия охватывала огромную территорию: «[…] город Казань со окрестными улусы, город Свияга з Горною стороною, Василь-город, Вятцкая земля вся» [9, с. 250]. После завоевания Астрахани ей была подчинена и территория Астраханского ханства. Очень скоро – в 1589 г., – новая епархия стала митрополией. Возглавлявшие ее духовные лица всегда играли важную роль в истории России. Впоследствии из нее выделились в качестве самостоятельных новые епархии, в их числе – Симбирская.

В качестве экономической основы для новой епархии «уложил благочестивый царь и великий князь Иван архиепископу и всем церквам обещаное Богу изо всех доходов Казаньские земли десятое; а сперва митрополит и все владыкы и монастыри пособъствуютъ Казаньскому архепископу денгами и хлебом» [9, с. 250]. Первый архиепископ новой епархии – бывший игумен Иосифо-Волоколамского монастыря Гурий (в миру – Григорий Руготин), будучи постриженником самого Иосифа Волоцкого, разделял взгляды своего духовного наставника, последовательно защищавшего имущественные права церкви.

Таким образом, лавируя между «иосифлянами» и «нестяжателями», царь формально был вынужден отказаться от своих секуляризационных устремлений. Однако, взяв под контроль выдачу пожалований церковным учреждениям, он получил эффективный инструмент укрепления позиций Московского государства на территории только что покоренного Казанского ханства. Сознавая острую необходимость и в заселении новых земель лояльным населением, и в миссионерской деятельности церкви среди местных нерусских народов для достижения своих политических целей, Иоанн Васильевич идет ей на щедрые пожалования в этом пока еще весьма неспокойном крае, тем самым направляя и стимулируя здесь активную церковную экспансию. Результатом стал значительный рост земельных владений монастырей и церквей, готовых защищать свою собственность.

Во-вторых, ведущая роль в продвижении православия в крае принадлежала Троице-Сергиеву монастырю – главному религиозному центру государства. В Казанском, Свияжском, Чебоксарском и Алатырском уездах были образованы

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

его филиалы, пожалованы крупные земельные владения, рыбные ловли по Волге, а также предоставлены большие земельные и таможенные иммунитетные привилегии [5, с. 55].

Исследовавшая архив Троице-Сергиевой Лавры М.С. Черкасова отмечала: «Ведение больших массивов деловой письменности, обладание огромным количеством поземельных прежде всего документов, образцово поставленная организация «архивной службы» – все это являлось, наряду с прочими, важнейшим фактором социально-экономического и политического могущества крупнейшего русского монастыря». Кроме того, указывала исследовательница, в русских общежительных монастырях (особенно крупных) в XVI–XVII вв. формировались «различные подразделения («службы»): крепостная казна, денежная казна, ризная казна, книгохранительная казна, плательная казна, оружная казна и мн. др.» [15].

Существование подобных структур в местных филиалах Троице-Сергиева монастыря маловероятно. Как можно предположить, при значительно меньших объемах хозяйственной деятельности и сравнительно небольшой численности монашествующих, в этом не было нужды. Во всяком случае источников, подтверждающих их наличие, обнаружить не удалось. Однако свойственные им функции должны были реализовываться и на местах. И одна из основных имела непосредственное отношение к сохранению важных для монастыря документов.

Оба фактора нельзя не учитывать при изучении формирования местных церковных архивов. Первый из них влиял на состав документов местных церковных учреждений, нуждавшихся в подтверждении своих имущественных прав и заинтересованных в сохранении соответствующих актов. Второй, с учетом богатого опыта Троице-Сергиева монастыря, – во многом определял характер делопроизводственной и архивной деятельности с точки зрения их организационной составляющей.

Кроме того, И.Л. Маяковский отмечал появление в XVII веке в монастырском архивном деле новшества, «которого еще мы не видели ни в приказных, ни в земских, ни в воеводских архивах, это заведение наряду с давней должностью книгохранителя специальной должности заведующего собственно архивными

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

документами и выделение последних в особые хранилища» [8, с. 126]. В высоком уровне приемов описания монастырских архивов, а также в назначении над ними особого «хранителя» он справедливо усматривал ярко выраженный «взгляд духовенства на роль своих архивов, как хранилищ, укрепляющих права и привилегии духовенства» [8, с. 127].

Под влиянием перечисленных и иных факторов при церквях и монастырях Чувашского края стали постепенно формироваться определенные архивные комплексы. К сожалению, в настоящее время мы практически не располагаем сведениями о местных церковных архивах в начальный период его церковной колонизации. Самые ранние из дошедших до нас документов относятся к первой половине XVII в., и связаны они с историей Алатырских Троицкого мужского и Киево-Николаевского девичьего монастырей, Введенского собора г. Чебоксары, Чебоксарского Троицкого монастыря, Чебоксарской Спасо-Геронтиевой пустыни и др. Однако цельной картины они не дают. В ряде случаев приходится оперировать лишь косвенными данными, почерпнутыми из различных источников.

Так, по наблюдению С.Б. Веселовского, после 1588 года состав поступавших в Троице-Сергиев монастырь документов изменился, а их количество уменьшилось. В частности, он отмечал снижение поступления новых жалованных грамот и рост указных грамот в сравнении с предшествующим временем, а также поступление небольшого количества частных актов. Эта тенденция сохранялась весь XVII век, а в конце его «поступление актов всех родов почти прекращается вместе с прекращением роста земельных владений монастыря» [3, с. 152].

Аналогичные процессы, очевидно, происходили и в его местных филиалах. Их причина – продолжившееся в XVII веке давление на церковь со стороны царской власти в части ограничения ее прав и земельных владений. Соборное Уложение 1649 г. в этом отношении стало еще одним важным шагом в данном направлении. Сохранив в руках патриарха самостоятельный орган управления – Патриарший двор, на котором судные дела рассматривал и принимал по ним решения глава церкви, оно лишило духовенство и монастыри административных и судебных привилегий. Церковные и монастырские земли, а также гражданские и

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

наименее важные уголовные дела в отношении всех духовных лиц вплоть до митрополитов, их людей и крестьян перешли в ведение Монастырского приказа. Лишь суд по церковным делам был сохранен за церковью.

Все это отражалось на составе документов архивов церквей и монастырей. Но в первую очередь состав архивов был обусловлен особенностями их деятельности в хозяйственно-экономической сфере.

О характере документов, отложившихся в архиве Чебоксарского Троицкого монастыря к началу XVII века, можно судить по отрывочным сведениям и лишь в общих чертах. Так, в указной с прочетом грамоте царей Ивана Алексеевича, Петра Алексеевича чебоксарскому воеводе и стольнику Е.А. Пашкову о разрешении Чебоксарскому Троицкому монастырю владеть вотчиной по прежним жалованным грамотам и отказным книгам от 16 октября 1683 г. перечислены акты, утраченные обителью «в Смутное время»: «<…> Прежние жалованные грамоты и манастырские крепости всякие, и кабалы, и записи» [7, с. 45].

Наиболее наглядно состав документов местных монастырских архивов прослеживается на примере Алатырского Троицкого мужского монастыря. Первое свидетельство о его архиве относится к 15 марта 1618 года. В отписных книгах строителя Алатырского Троицкого монастыря Иоасафа Пестрикова указывается, что он взял «*у казначея у старца Никона* книги черные Второва Куроедова да государеву грамоту, что привез Борис Латынин; да две кабалы на мордву, одна в трех пудех меду, а другая в полуторе рублех з гривною; да выпись писца Гаврила Ивановича Бобрищева-Пушкина да дьяка Ивана Шарапова с товарыщи; да книги отводные сто два десятого [1611/12] году, что посылал Федор Семенович Пушкин сотника Богдана Мамина; да выписи с книг 88 [1579/8о] году писца Григория Онучина, а книги в казне на Алаторе; да список з записи на князя Баиша, а сказали братья, что де запись у племянника у Игумнова у Савы в Орзамасе в Ямской слободе; да с трех грамот государевых списки, а грамоты в казне на Алаторе; да список с выписи воеводы Петра Бутурлина с товарыщи на рыбные ловли, а грамоты и книги в казне на Олаторе; да отпись Дея Огаркова ста два десять пятого[1616/17] году; да книги, приход и росход, у казначея старца Никона; да

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

судебних ветх; да старые росходы; да двух вкладчиков; да двух безымянных; да выпись с книг сто два десять третьяго [1614/15] году старосты Второво Куроедова» [2, с. 45].

Судя по приведенному отрывку, очевидно именно монастырский казначей выступал в роли хранителя архива.

Более подробное описание хранившихся в архиве Троице-Алатырского монастыря документов дает опись Троице-Сергиева монастыря и приписных ему обителей 1641 года [2, с. 142–143]. Она позволяет судить о характере документов, в сохранении которых прежде всего был заинтересован монастырь. Как следует из текста документа, основу документального комплекса составляли юридические акты, оформлявшие долговые обязательства. Возможно, в данном случае речь идет лишь о текущем архиве с его вероятной локализацией в казенной келье, в которой велось делопроизводство.

Наиболее репрезентативная картина состава монастырского архива представлена в публикации «Алатырский Троицкий мужской монастырь. Документы 1612–1703 годов», авторы которой выделили три группы делопроизводственной документации:

1) акты, оформлявшие и удостоверявшие права монастыря на различные привилегии или собственность, полученные в результате правительственных пожалований или сделок с частными лицами, в том числе – публично-правовые (указные с прочетом, правые, послушные, жалованные грамоты) и частно-правовые (поступные, мировые, полюбовные, купчие, меновные, порядные, данные, вкладные, закладные, сдаточные, оброчные, поручные записи, духовные и изустные памяти), всего – 76 документов;

2) регистрационные документы, в которых фиксировалась информация о состоянии земельной и прочей собственности монастыря (описные, отказные, межевые, переписные, прочие книги и росписи, составленные как самими монахами, так и представителями приказной администрации) – 37 документов.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

3) делопроизводственная переписка, возникавшая в ходе решения приказными властями различных вопросов по вотчине и крестьянам монастыря (указные грамоты центральных приказов, челобитные) – 15 документов [2, с. 8–10].

Всего опубликовано 128 источников, один из которых является делом, состоящим из целого комплекса указных грамот и челобитных. По утверждению авторов, в совокупности представленные в сборнике документы «достаточно полно отражают историю Алатырского Троицкого монастыря, его колонизационно-хозяйственную деятельность» [2, с. 10].

В связи со сказанным особую актуальность приобретает вопрос об организации хранения документов в монастырских архивах края. О специально отведенном для этой цели помещении говорится в указной с прочетом грамоте из Приказа Большого дворца алатырскому воеводе Д.С. Погожему, датируемой июнем 1618 г.: «<…> А велено о всяких наших делех ис Приказу Большого дворца писати в Троецкой монастырь к ним, к архимариту да келарю з братьею. И тое нашу жалованную грамоту велено им держати в монастыре *в троецкой казне* для всяких наших дел. А с нее по городом посылати списки за троецкою печатью <…>» [2, с. 51–52].

Упоминание об архивохранилище-казне в Алатырском Троицком мужском монастыре имеется в описи Троице-Сергиева монастыря и приписных ему обителей 1641 года [2, с. 142].

В Чебоксарском Троицком монастыре таким специальным помещением для хранения документов являлась «казенная келья», о чем свидетельствует указная с прочетом грамота из Приказа Казанского дворца воеводе В.В. Голенищеву и подьячему Б. Протопопову от 20 апреля 1660 г [7, с. 27]. Однако в указной с прочетом грамоте из Приказа Казанского дворца чебоксарскому воеводе Е.А. Пашкову о разрешении Чебоксарскому Троицкому монастырю владеть их вотчиной по прежним жалованным грамотам и отказным книгам от 16 октября 1683 г. речь идет и о казне: «А подлинная грамота в манастырской казне» [7, с. 45].

В качестве примера хранения документов в здании церкви можно привести выпись из росписи 1645/46 г. на д. Протопопову, данной 10 июля

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

1660 г. чебоксарским воеводой В.В. Голенищевым и подьячим Б. Протопоповым по челобитью протопопа Чебоксарского Введенского собора Филиппа с братией, в которой, в частности, указывалось: «<…> *А положено было в той соборной церкви записи крестьянские, почему они теми крестьяны владели*» [6, с. 236]. Приходские храмы, не располагавшие в отличие от монастырей различными хозяйственными постройками, вынуждены были хранить важные для них документы непосредственно в самой церкви.

К сожалению, более детальной картины организации хранения источники не дают. Очевидно, она мало чем отличалась от сложившейся практики в светских учреждениях.

Существенное влияние на сохранность церковных архивов оказывали пожары и социальные конфликты. Среди прочих факторов именно они чаще всего упоминаются в источниках, связанных с территорией современной Чувашской Республики.

Главными из них были пожары. «И в прошлом де во 160 [1651/52]-м году, как был в Чебоксарех пожар, – читаем в указной с прочетом грамоте из Приказа Казанского дворца воеводе В.В. Голенищеву и подьячему Б. Протопопову – и в то де пожарное время жалованные подлинные грамоты и всякие вотчинные крепости в Троицком монастыре в казенной келье згорели все без остатку» [7, с. 27]. В пожар 1659 года сгорел и главный городской храм – Введенский собор, а в нем – хранившиеся там «записи крестьянские» [6, с. 236].

Если стихийные бедствия были «слепым» орудием гибели документов, то в случае с народными выступлениями архивы становились объектом целенаправленного уничтожения местным населением, недовольным политикой центральной власти, действиями местной администрации или церковными учреждениями. Так, в указной грамоте из Приказа Казанского дворца чебоксарскому воеводе М.О. Пушкину от 21 ноября 1620 г. отмечалось: «<…> Троетцкого монастыря келарь Исай з братьею сказали, что у них прежних государей жаловальные грамоты в Смутное время, как город взяли, поимали казаки» [7, с. 21].

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Картина произошедшего более подробно была изложена в указной с прочетом грамоте из Приказа Казанского дворца чебоксарскому воеводе Е.А. Пашкову от 16 октября 1683 г. о разрешении властям Троицкого монастыря владеть их вотчиной по прежним жалованным грамотам и отказным книгам: «И те де у них грамоты в Смутное время, как приходили в Чебоксар волские казаки, и они де в те поры город Чебоксар взяли и прежнего де их игумена Галасею з башни скинули, и многих посацких людей в те поры побили, и те де у них прежние жалаванные грамоты и манастырские крепости всякие, и кабалы, и записи поимали, и казну розграбили» [7, с. 45].

Данные факторы безусловно играли решающую роль в утрате документальных комплексов церковных учреждений. Вместе с тем, есть основания полагать, что они были отнюдь не единственными. Хотя прямых свидетельств о небрежности хранения документов не имеется, можно предположить, что и они имели место.

Как показывает анализ источников, местные монастыри довольно часто обращались в органы власти за подтверждением своих владельческих прав. Например, на протяжении XVII века Чебоксарский Троицкий монастырь неоднократно посылал на имя верховной власти соответствующие челобитные. Так, в направленной 21 ноября 1620 г. чебоксарскому воеводе М.О. Пушкину указной грамоте из Приказа Казанского дворца о разрешении монахам Троицкого монастыря владеть «по-прежнему» их рыболовными угодьями и о запрещении козьмодемьянским стрельцам претендовать на эти угодья было велено найти в казне в съезжей избе на эти владения «прежних государей грамот: блаженные памяти государя, царя и великого князя Ивана Васильевича, всеа Русии, и царя и великого князя Федора Ивановича, всеа Русии, и царя Бориса» [7, с. 21]. Интересно упоминание в документе о том, что посланцем монастыря старцем Иосифом в подтверждение монастырских прав на угодья дьякам приказа Казанского дворца был представлен список с грамоты царя Бориса Годунова, подлинник которой хранился в казне Чебоксарской приказной избы [7, с. 21].

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Через тридцать лет по челобитью игумена Чебоксарского Троицкого монастыря Иосифа с братией 17 августа 1659 г. из Печатного приказа стольнику и воеводе князю И. Засекину и подьячему Б. Протопопову была направлена государева грамота с повелением «в Чебоксарех в съезжей избе з жаловальных грамот и со сводных книг списав, список прислать к Москве» [14, с. 111].

История с подтверждением прав монастыря на рыболовные угодья повторилась в 1660 году. О поручении выслать с этой целью архивные копии (списки) с различных документов говорится в указанной с прочетом грамоте из Приказа Казанского дворца воеводе В.В. Голенищеву и подьячему Б. Протопопову от 20 апреля 1660 г.: «И нам бы, великому государю, пожаловати ево, игумена Иосифа з братьею, велеть ему теми рыбными ловлями владеть, против прежних жалованных грамот и отводных книг; *и велети б им, игумену з братиею, с писцовых и с отводных [книг] на те рыбные ловли дать выпись.* И послана наша, великаго государя, грамота в Чебоксар к стольнику и воеводе ко князю Ивану Засекин[у] да к тебе, Борису. *Велено в Чебоксарех в съезжей избе сыскать с наших, великаго государя, жалованных грамот списки и с отводных книг чебоксаренина сына боярскаго Иева Моисеева 130 [1621/22]-го году. А сыскав те списки, велено из тех списков выписать, да тое выписку прислать к нам, великому государю, к Москве*» [7, с. 27].

Как следует из документа, все письменные подтверждения прав монастыря были найдены, а игумену Иосифу с братией было велено владеть рыбными угодьями строго «*по прежним жалованным грамотам, каковы даваны прежним Чебоксарского троицкого монастыря игуменом и братье в прошлых в 90[1581/82]-м и во 108[1599/1600]-м и во 129[1620/21]-м годех* и *по отводным книгам чебоксаренина Иева Моисеева 130[1620/21]-го году*» [7, с. 28].

Большая архивно-справочная работа была выполнена по челобитью монастыря в 1683 году. И вновь речь шла о владении вотчиной по прежним жалованным грамотам и отказным книгам. В указной с прочетом грамоте из Приказа Казанского дворца чебоксарскому воеводе Е.А. Пашкову от 16 октября 1683 г. подробно изложены все перипетии, связанные с монастырской собственностью

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

начиная с 1617 года, в том числе упомянуто спорное дело с чебоксарским жильцом А.М. Кудриным 1624/25 года. При этом все запрашиваемые приказом сведения были представлены [7, с. 44–53].

Схожую картину можно наблюдать с Троице-Алатырским монастырем. Так, в феврале 1676 г. при подготовке по указу царя Алексея Михайловича данной выписи из отдаточных книг алатырского воеводы И.Я. Эверлакова служке Троице-Сергиева монастыря В. Яхонину на возвращение беглых крестьян использованы сведения из переписных книг переписи А. Атяева и подьячего К. Немирова 1646 года [2, с. 168].

В марте 1681 г. в данной выписи стольника и воеводы Д.И. Лаговчина архимандриту Троице-Сергиева монастыря Викентию с братией на Кажнееву поляну в Алатырском уезде упомянуты отписные книги губного старосты В. Куроедова 1615 года, отказные книги городового приказчика Д. Теренина 1618 года, а также выпись алатырского воеводы И. Бутурлина с товарищами 1613 года [2, с. 170]. Менее чем через год в споре за указанную поляну были использованы не только перечисленные документы, но и алатырские писцовые книги 1615, 1616, 1624–1626 годов [2, с. 178–188].

В судном деле по тяжбе Троице-Сергиева монастыря с алатырскими посадскими людьми и попом Иваном Тимофеевым на дворовые места в городе Алатырь, длившейся с 1683 по 1700 год, имеются ссылки на описные книги 1614/15 года и писцовые книги 1623–1626 годов [2, с. 295–301].

В приведенных примерах не было бы ничего удивительного, если не учитывать одно важное обстоятельство: и пожары, и народные выступления затрагивали не только сами церковные учреждения, но и непосредственно населенные пункты, где они находились. Тем не менее, как мы видим, документация местных органов управления не просто сохранилась, но и обеспечивался определенный порядок ее хранения, что позволяло в большинстве случаев находить необходимую информацию за весьма отдаленный период времени.

Таким образом, имеющиеся письменные источники иллюстрируют наличие и активное использование архивов в административных центрах на территории

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Чувашии, в том числе церковной среде, а также позволяют судить об организации их хранения, составе и содержании. На основе источников XVII века, относящихся к исследуемой территории, можно судить и об определенных устоявшихся приемах работы с документацией.

Список литературы

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи. Т. I. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836.

2. Алатырский Троицкий мужской монастырь. Документы 1612–1703 годов / сост. В.Д. Кочетков, А.А. Чибис. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2015.

3. Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. – М.: Наука, 1978.

4. Градовский, А. Д. История местного управления в России // Собр. соч. Т. 2. – СПб., 1899.

5. Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1986.

6. Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье (XVII в. – первая четверть XVIII в.) / сост.: А.А. Чибис (ответственный составитель), Б.М. Пудалов. – Чебоксары: Пегас, 2006.

7. Землевладение и хозяйство Чебоксарского Троицкого монастыря во второй половине XVI–XVII вв.: Исследование и документы. – Чебоксары, 2005.

8. Маяковский И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. (Опыт систематического руководства). Часть первая. История архивного дела в СССР до Октябрьской социалистической революции. – М., 1941.

9. ПСРЛ. Т.13. Первая половина. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904.

10. Русское православие: вехи истории. – М.: Политиздат, 1989.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

11. Старостин Е.В. Архивы Русской Православной Церкви в период становления и развития Московского государства (XIV–XVII века) // Вестник РГГУ. – 2008. – №8.

12. Старостин Е. В. Архивное наследие Русской православной церкви: пути изучения и развития // Отечественные архивы. – 2005. – №4.

13. Цыпин В.А. Каноническое право / протоиер. Владислав Цыпин – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009.

14. Чебоксары во второй половине XVI–XVIII веке: документы и материалы из фондов Российского государственного архива древних актов / сост., авт. предисл., коммент. и примеч. Д.В. Басманцев. – Чебоксары: ГИА ЧР, 2019.

15. Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой Лавры) / М-во культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Федеральное архивное агентство, Российский гос. архив древних актов. – М.: Древлехранилище, 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.booksite.ru/fulltext/che/rca/so/va/3.htm (дата обращения: 05.03.2022).

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)